

НАША СТРАНА

Год издания—42-ой. Буэнос Айрес, суббота 27 января 1990 "NUESTRO PAIS" Buenos Aires, sábado 27 de enero de 1990 № 2060

И. АНДРУШКЕВИЧ

Многоярусная конституция Государства Российского

«Нравственные законы важнее писанных, и касаются вещей более важных».
(Аристотель, Политика, 1287 в).

В связи с моим заявлением на симпозиуме «Перестройка, будущее СССР и роль Европы», состоявшемся в Риме в конце октября прошлого года («Политическая хроника» из Рима в # 2057), что «у России есть историческая конституция», меня запрашивают: в чем же эта «историческая конституция России» состоит? Также меня спрашивают, в чем состоит разница между упомянутыми мною на том же симпозиуме конституциями писанными и неписанными.

Я конкретно указал на пример Англии, которая является конституционной монархией, но которая не имеет писаной конституции, из чего вытекает, что она обладает какой-то иной конституцией. Кроме того я сослался на пример Израиля, который тоже не имеет писаной конституции (один израильский дипломат в Буэнос Айресе даже заявил, что конституцией Израиля является Пятикнижие Моисея).

Уточнение этих сложных вопросов потребовало бы целого исследования, совершенно невозможного на страницах маленькой еженедельной газеты. Но с политической точки зрения необходимо дать минимальное резюме самой сути этих вопросов, ввиду их чрезвычайной актуальности. Между прочим, этим вопросам было посвящено немало передовиц и статей в «Нашей Стране» за последние годы. (Например, «Наша конституция» в # 1678 от 17-9-1982; «Православная монархия» в # 1717 от 18 июня 1983 и т. д.).

Мне кажется, что основной чертой всех конституций, как писанных, так и неписанных, является их ярусность.

Если взять как пример ту же Англию, то многие сразу же говорят: да, ее конституция фактически началась с так называемой «Великой хартии вольностей», данной в 1215 году королем Иоанном Безземельным. Эта хартия в основном скрепляла в письменной форме предыдущие феодальные традиции норманских завоевателей Англии, которые, в свою очередь, считали себя законными наследниками предыдущих англосаксонских завоевателей. Но само имя этой страны — Объединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии говорит о ее предыдущих обитателях, бриттах, в свое время частично входивших в состав Римской империи.

В Израиле тоже можно наблюдать подобную конституционную многоярусность. Никто не станет отрицать религиозных фундаментах этого государства. Следующим ярусом на этой основе является Декларация Независимости Израиля, а затем уже идут законы. Причем, некоторые из законов имеют конституционный

характер, например, Закон о возвращении. Никто в Израиле не может отменить этот закон, так как он вытекает из Декларации Независимости, ввиду чего для его отменения было бы необходимо сперва отменить эту декларацию, чего не могут сделать ее же учрежденные органы нового государства.

Но и в так называемых «писанных конституциях» новых государств (достигающих своей независимости бывших колоний, как американские страны, или наново образованных после тотального военного поражения как, ФРГ) имеются свои ярусы. Независимо от того, что в них в большинстве случаев имеются так называемые «догматический» и «инструментальный» слои, они также обладают фундаментами, существование которых предшествует писаной конституции, и которые поэтому не только не зависят от конституции, но и не могут быть в будущем поставлены в зависимость от новых конституционных реформ. В конституции ФРГ, например, ясно указывается, что исторические границы отдельных «Лендер» (штатов) не могут быть изменены. Да и в самом названии США имеется ясное указание на предсуществование штатов, до их

объединения. Седьмой параграф конституции США гласит, что ее утверждение в девяти штатах будет достаточным для «действия конституции между штатами». Конституция Аргентины говорит о «предсуществующих» конституции договорах.

Дело в том, что термин «конституция», появившийся впервые в современном смысле в 16-м веке во Франции, обозначает скорее установление, фиксацию известного политического порядка из существующих элементов, а не создание всех этих элементов. Он происходит от латинских слов constitutio, statuere, statum, одного корня со словами стоять, по-немецки stehen, и латинского stabilis и даже с названиями государства на современных языках (State, État, Staat, Estado, Stato). Перефразируя можно сказать, что конституция — это устав (установления) для стабильного (устойчивого) стояния государства.

Если высшей формой национальной жизни является государство, то несомненно для устойчивости этой формы необходимы устойчивые фундаменты. Государство принадлежит народу, а не идеологиям или партиям, и его существование не может зависеть от идеологических про-

грамм, которым придана внешняя форма писанных конституций. Существование России не может зависеть от сталинской или брежневской конституции или от каких бы то ни было новых конституций, которые нам предлагают написать, как это было сделано, в частности, и на вышеупомянутом симпозиуме в Риме.

Более того, именно отрицание неписанных фундаментах писанных конституций открывает двери для захвата государства тиранами. Еще Аристотель отмечал, что правители («начальствующие») чувствуют себя более уверенными по отношению к писанным законам (они ката граммата номои), чем к законам нравственным, то есть неписанным (они ката та эте). (Политика, 1287 в). Комментируя это место, Хулиан Марияс (в предисловии к двуязычному изданию «Политики», Мадрид, 1970) подчеркивает, что «невозможно обращаться с правом как с идеологией... потому, что оно иного порядка. Какого? Оно является силой, говорит два раза Аристотель. Эта сила является общественной силой, обычаем (этнос), который зарождается и учреждается в течение долгого времени». В другом месте Аристотель говорит о необходимости «полноты времени» («хроноу плетос»), для достижения силы законами. «Полнота времени» дает законам нравственную силу, даже если они сначала и не были написаны. На такие освященные временем законы опираются затем и законы новые, писанные. Еще Гораций сказал, что «законы без нравов напрасны», предвосхищая нашу русскую поговорку: «Где добры в народе нравы, там хранятся и уставы».

Таким образом, описание полноты исторических времен России и явится описанием по сути исторической конституции России.

История России как государства началась с призвания Рюрика в 862 году. В этом событии мы видим одно-временное проявление (или учреждение) сразу же нескольких конституционных начал России. Прежде всего необходимо подчеркнуть именно учредительный характер этого акта, даже в соответствии с современными конституционными теориями: это было суверенное решение народа, даже без делегации народных прав народным представителям: «реша сами в себе». (По современным теориям, конституцию должны учреждать сами народы, причем «навсегда», как пишет Мэдисон в # 39 «Федералиста», в то время как законы устанавливаются народными представителями).

«Реша сами в себе: поищем себе князя, уже бы володел нами и судил по праву». Решение о учреждении монархии сопровождается решением ее подчинения праву. Поэтому с самого начала наша монархия была ограничена правом. Фактически: право уже существует, до самого решения и до самой монархии, оно им

БОГОЛЮБИВОЙ ЮЖНО-АМЕРИКАНСКОЙ ПАСТВЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЗАГРАНИЦЕЙ

Буэнос Айрес, Аргентина, 11/24 ноября 1989

По благословению Высокопреосвященнейшего Митрополита Виталия, пастыри Южно-Американских Епархий, собравшиеся в Буэнос Айресе, после обсуждения разных вопросов и создавшихся условий в наших епархиях и для защиты сохранения чистоты православия и духа истинной веры среди своих чад, призывают возлюбленную паству, именем Божиим, возвратиться к древнему благочестию, оцерковлению своей жизни и послушанию Матери Церкви.

Умоляем вас не общаться, ни под каким видом, даже из простого любопытства, с представителями Московской патриархии, и ни в коем случае не поддерживать их начинаний.

Архиереи и заграничное духовенство Московской патриархии в своем большинстве находятся в тесном содружестве и в подчинении безбожной власти, проявляя огромную активную работу за границей, и ничего конкретного не делают для восстановления свободной церковной жизни Матери Церкви в отечестве.

Для всякого епископа, остается до сих пор в силе диктующая воля уполномоченного органа по делам религии, в следствие чего Церковь продолжает пребывать в плену атеизма.

Из этого следует, что дух этой активности есть тонкая советская пропаганда, а не проповедь благовествования ко спасению верующих. (Декларация митрополита Сергия 1927 года: «ваши радости — наши радости», которая и по сегодня остается в силе).

Мы, ваши пастыри, дадим ответ за ваши души перед Престолом Божиим, в силу чего и призываем вас именем Спасителя нашего Иисуса Христа сохранять чистоту веры и свободу духа.

Божие благословение да пребывает с вами!

Архимандрит Вениамин
Митрофорный протоиерей Владимир Скалон
Протоиерей Владимир Шленев
Протоиерей Сергей Иванов
Протоиерей Валентин Ивашевич
Протоиерей Георгий Петренко
Иерей Игорь Булатов

предшествует. Впредь, право будет и дальше развиваться, с участием учрежденной монархии, но и монархия и народ подчиняются праву, ими же дальше создаваемому. Так, даже первой конституционной основой, первым конституционным принципом учрежденной монархии является принцип правового государства. Причем, *правового* именно в смысле указанном Аристотелем: в смысле предпочтения старого, освященного временем, неписаного права, над новыми писаными законами. Это подтвердят с максимальной ясностью правнук Рюрика, святой Владимир, и его преемники, предпочитавшие славянское право, без смертной казни, писаному праву византийскому, таковую утверждавшего.

Решение об учреждении нашей монархии было не только *народным* решением, но и *решением союзным*, то есть выходящем за рамки того или иного рода или племени. Наше государство зародилось в Новгороде, как союз северных племен России, который затем расширился и на все другие племена восточных славян. Верховная монархическая власть была властью не одного племени над другим, а общей верховной властью над всеми племенами. Этот весьма важный принцип затем перешел преимущественно и к позднейшим периодам нашей истории, вплоть до самой революции. Монарх российский был главой всех племен и народов нашей страны, что и выражалось в его титулах. Этот союзный принцип связывал все народы нашей страны, *через общую верховную власть, а не через подчинение одних народов другим*.

Конечно, в таком учредительном процессе продолжали играть важную роль, не только исконные правовые традиции, но и общие славянские, и отчасти индо-европейские, политические тенденции, являвшиеся, своего рода, грунтом, на который опирались возводимые политические фундаменты. Резюмируя, их можно обозначить как *соборное* соучастие во власти народа, управительных властей и верховной власти. Органами этих государственных элементов были князь, старшая дружина или совет и вече. «И бе Володимер думая с дружиной о строю земленем

и уставе земленем», пишет летопись. Два раза повторяемое в этой фразе слово «земленем» указывает нам на *земский*, то есть территориальный, а не партийный характер этого строя. Причем, земский строй преодолевает родовые и племенные порядки, когда объединения по территориальному признаку, во главе с главнейшим на данной территории городом, вытесняют прежние племенные объединения.

Следующий ярус нашей конституции закладывается святым Владимиром. Именно при нем впервые к нашей стране применяется имя «Россия», сразу же входящее в международный обиход, как на Западе, так и на Востоке. («Росия» по-гречески и «Русия» по-латыни. См. «Триединый юбилей», в # 1984, от 6-8-1988). Принятие Русью православия навсегда дает специфический духовный и культурный характер нашей стране, ее обществу и государству.

В заключение необходимо отметить, что в основах своих государство российское не было государством ни рабовладельческим, ни завоеванным феодалным (хотя марксистская идеология неправильно применяет это слово к Киевско-Новгородской Руси), а государством крестьянским. Само название пахаря («Ратая», как говорится в былинах) именем христианина, говорит о том, что наше государство в своих истоках было одновременно государством христианским и крестьянским. То есть государством хозяев-собственников.

В течение дальнейшей истории все эти начала органически развивались, даже несмотря на татарское иго. Во времена Ивана Грозного княжеская монархия развивается до православного царства, наследуя не только византийский герб, но и ее остальные титулы и символы. Но она продолжает оставаться соборной и народной, что видно, хотя бы из остальных реформ Ивана Грозного: учреждения Земских Соборов, местного самоуправления и царского суда для всех.

Эти последние реформы являются первым ярусом в группе всех позднейших ярусов нашей конституции, каковую группу можно назвать

юридической надстройкой над принципиальными фундаментами. Следующим, ключевым ярусом в этой юридической надстройке были постановления Земского Собора 1613 года, давшие окончательную форму нашей соборной монархии, в симфонии с Православной Церковью. К сожалению, реформами Петра Великого эта структура принципов и юридических установок была частично повреждена, главным образом отменением «де факто» патриаршества, земского собора и боярской думы. («Де факто», но не «де юре», так что все эти учреждения юридически могут быть актуализированы в любой момент, без необходимости каких бы то ни было конституционных реформ). В результате этих повреждений, в наш исторический быт внедряются чуждые нам западнические начала абсолютизма, сословных привилегий, номенклатурного бюрократизма, при одновременном превращении временного служебного крепостничества в крепостничество постоянное и тотальное.

Следующим ярусом в юридической части нашей конституции был закон о Престолонаследии императора Павла Первого. Все эти ярусы юридической части нашей конституции требуют отдельного анализа, совершенно не вмещающегося в никакую газетную статью.

Исходя из всего вышеуказанного, можно легко резюмировать три группы причин конституционного порядка, приведших нашу страну в сегодняшнее положение: 1. Повреждение нашей исторической конституции, как отрицательное последствие петровских реформ, в результате чего в наше государство не только внедрились чуждые нам западнические, выше перечисленные, принципы, но была оголена верховная власть, что и привело к катастрофе 17-го года.

2. Неконституционный обрыв нашей конституции в 1917 году, с захватом власти самозванцами и узурпаторами, открывшими дорогу тиранам. Все эти факты вытекающие из этого неконституционного обрыва в сущности тоже неконституционны, в том числе и всякие прокламации отделения и независимости. (Когда Родезия самозванно отделилась от Англии, не только сама Англия, но и весь мир настаивали на незаконности такого отделения, без конституционной санкции вестминстерского парламента). 3. Воздвижение идеологической надстройки, вместо поврежденной, а затем и незаконно отвергнутой юридической надстройки нашей исторической конституции. Многие затруднения происходят именно от замены прежней конституции идеологической надстройкой. Так, например, никакая идеология не может разрешить этнические проблемы на такой большой территории как наша страна, а только легитимная историческая общая верховная власть. (Хотя бы провозглашенная до поры до времени номинально, через возвращение нашей стране ее исторического имени).

Поэтому, не писание новых идеологических шпаргалок, под внешним видом «конституций», разрешит реальные проблемы нашей страны, а только возвращение к фундаментальным принципам нашей государственности при одновременном творческом преодолении ее повреждений и при полном отмежевании от всяких идеологизмов присосавшихся к ней.

Сохранить государство можно только путем его очищения от посторонних элементов, а затем и возвращения на свои собственные основы. Все остальное утопия.

И. АНДРУШКЕВИЧ

29 ноября с. г. в бузносайресском пригороде Вижа Бажестер на 88-м году жизни волею Божией скончалась

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА МИХАЛОВСКАЯ
урожденная МАТУЗОВА

о чем с прискорбием сообщает сын с семьей.

ПЕЧАТЬ

ПОЗОРНЫЙ ЗАКАТ БЕРДЯЕВА

В «Знамени» № 10 за 1989, перепечатаны «Литературные портреты» эмигрантского писателя Б. Зайцева, в которых он рассказывает следующее о последних годах философа Н. Бердяева:

«История, страшные волны ее, пронесли над нашими головами в Париже... Тут видели мы войну, нашествие иноплемennых, поражение сперва одних, потом других, появление советских военных как победителей, — все, все, как полается».

Эмиграция же пережила некое смятение, некие увлечения, несбыточные надежды.

С Бердяевым произошло тоже странное: и немолод он был, и революцию вместе с нами пережил, и «Философию неравенства» написал, и свободу, достоинство и самостоятельность человека высочайше це-

нил... — и вдруг этот седеющий благородный лев вообразил, что вот теперь-то, после победоносной войны, прежние волки обратятся в овечек. Что общего у Бердяева со Сталиным? А однако в Союзе Советских Патриотов он под портретом Сталина читал, в советской парижской газете печатался, эмигрантам брать советские паспорта советовал, вел разные переговоры с Богомоловым — кажется, считался у «них» почти своим.

В Россию, однако, не поехал. Но в доме у него в Клараме гнездились чуть ли не все просоветское тогдашнего Парижа».

ПОСЛЕДСТВИЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

А. Ананьев, в передовице под заглавием «По течению или наперекор?», в журнале «Октябрь», № 10 за 1989 год, высказывает следующие трезвые мысли:

«Если колхозы не накормили страну, то есть если жизнь подтвердила несостоятельность этой формы хозяйствования (как лучший и единственный), когда на словах все принадлежит всем, а на деле никому и никто

ни за что не отвечает и ни за что не радует, то почему бы не дать возможность проявить себя другим формам работы на земле?»

Правда, дальше он их несколько ослабляет: «Те, кто раскулачивал, их дети и внуки — это одна позиция; те, кого раскулачивали, их дети и внуки — позиция другая и тоже понятная. Раскулачивавшие (я имею в виду прежде всего тех, кто руководил этими противозаконными, насильственными действиями, внося в списки для раскулачивания — в угоду установкам, разнарядкам и требованиям — не просто мироедов, а всех, кто умел и любил трудиться, умел и любил хозяйствовать) — они не могут признать и не признают свои действия неправомерными, у них и теперь есть на все свои доводы и, чтобы защитить честь мундира, они готовы вновь бросить на заклинание целый народ, его интересы жизни, забыв о такой простой истине, что не дележом награбленного, а трудом, причем свободным и разумным, достигаются и поддерживаются стабильность и благополучие, как в отдельных семьях, так и во всем народе. А те, кто был сослан с земли, их дети, внуки — этот потенциальный хлеботор, подвергшийся столь глубокому социальному и нравственному травмированию — разве может он без признания нанесенных ему обид и хотя

бы морального возмещения их возвращаться в село, на землю?»

ИСТОКИ ТЕРРОРА

В письме в редакцию «Невы», опубликованном в № 8 за 1989, рабочий М. Анохин говорит следующее:

«Когда я читаю о сталинских временах, я плачу. Здоровенный мужик, а не могу сдержать слез. Нет, никто в нашем роду, «не расстреливал несчастных по темницам». Не гонители были, не судьи, а гонимые... Как я понимаю, уважаемые товарищи, вы считаете исходным пунктом становления сталинизма приблизительно 23 год? А мне кажется, все началось раньше, если не с «Бесов», то с эсеровского мятежа и с ответа на «белый» террор «красным» террором, — вот это и есть начало восхождения Сталина на престол власти... Забвение основополагающего принципа человечности «Не убий!» могло ли привести к иному результату? Религия была укором остаткам совести — она отражала природу человека без искажений, потому она и преследовалась с такой неукротимой яростью. Революция была шагом назад в нравственном становлении человека».

В. Р.

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

К ЕДИНЕНИЮ

До чего же доходит дело? Недавно в Москве присутствовал на конференции, где обсуждался вопрос о создании уникального учебного заведения типа, ну что ли, лицей, где учились бы с 8-го по 12-й класс (четыре года) как советские дети, так и дети русского зарубежья. Не будем сейчас вникать в детали этой школы-интерната, не будем спорить, возможна ли такая школа, не будем гадать, какие трудности придется преодолеть, создавая такой лицей, но подивимся тому, что такой разговор состоялся и что он, в общем-то, становится на реальную почву. А если — школа, то почему не представить себе присутствие группы юношей и девушек из Москвы, Ленинграда, других городов на съезде молодежи русского зарубежья, чтобы искать пути друг к другу, детям одной культуры, одной истории, одной беды, одной матери, одного народа.

Бывая в других странах, проходя мимо русского православного храма и видя, что там идет служба, я никогда не проходил мимо. Зайдешь, поставишь свечку. Лампады горят, слаженный хор поет, богомольцы крестятся, все как в обычном православном храме, и только потом уже узнаешь, что храм этот принадлежит так называемой Русской Зарубежной Церкви и Московской патриархии не подчиняется. У русской Церкви за рубежом своя, как говорится, юрисдикция, свой синод, свой глава — на сегодняшний день митрополит Виталий, имющий резиденцию в Нью Йорке. В резиденции у него главная святыня — чудотворная, высокочитимая всей молящейся Россией Курская Коренная Божия Матерь. Это в ее честь устраивались раньше многолюднейшие многодесятитысячные крестные ходы. Даже брезжит в памяти большое живописное полотно Репина и название картины «Крестный ход в Курской губернии». Так вот, это — в честь иконы, хранящейся сейчас в резиденции митрополита Виталия.

РАЗЪЕДИНЕНИЕ

В двадцатые годы, особенно после окончания гражданской войны, часть всего российского оказалась за рубежом. Часть войска, часть интеллигенции (часть литературы, часть музыкантов, певцов, художников, философов), часть книг, часть старины, часть души... Оказалась за рубежом и часть православной Церкви.

На первых порах эмиграции священнослужители и церковные иерархи, оказавшись вне пределов родной земли, считали себя едиными с Церковью, оставшейся в пределах вновь возникшего на территории бывшей Российской Империи государства. Но быть едиными становилось все труднее. Связь, сношения, даже хотя бы и переписка сделались практически невозможными.

«В то время (выписываю некоторые места из брошюры «Русская Зарубежная Церковь». Монреаль, 1987) уже были созданы церковные управления в местах, не имев-

ших сношения с городом Москвой во время гражданской войны внутри самой России (на юге России и в Сибири). Когда же последовал великий исход русских из своего отечества, поражение войск, боровшихся с коммунистической властью, тогда оказалось за границей Высшее церковное управление Юга России, возглавленное известным всему православному миру митрополитом Антонием. В ноябре 1921 года в Сремских Карловцах в Югославии состоялся первый заграничный Собор, в котором, кроме 24 епископов, приняли участие представители клира и мирян. Раскол Церкви оформился юридически, отколовшаяся часть Русской Православной Церкви стала называться «карловацкой», а более точно — Русской Зарубежной Церковью».

Но все же «отрезанным ломтем» им стать и чувствовать себя не хотелось.

Заместитель местоблюстителя патриаршего престола митрополит Сергей обратился 12 сентября 1926 года из Москвы с письмом к епископам, находившимся за границей: «Вы просите меня быть судьей в деле, которого я совершенно не знаю... Может ли вообще Московский патриарх быть руководителем церковной жизни православных эмигрантов?.. Польза самого церковного дела требует, чтобы вы общим согласием создали для себя центральный орган церковного управления, достаточно авторитетный для разрешения всех недоразумений, не прибегая к нашей поддержке... Едва ли мы с вами увидимся еще в настоящей жизни, но уповаю милостью Божией, увидимся в жизни грядущей».

Это послание, как видим, исполнено дружелюбия митрополита Сергея своим заграничным собратьям, однако 9 месяцев спустя он издал декларацию, в которой провозгласил Советскую власть, пекущейся о благе народном, выразил полное единение Церкви с этой властью и потребовал от заграничного духовенства подписки о лояльности Советской власти.

Между тем по всей стране покатилась волна закрытия храмов. В течение нескольких лет были уничтожены или взяты для разных надобностей многие храмы. Концлагеря и места принудительных работ содержали тысячи священнослужителей. Пути двух русских православных Церквей — на территории СССР и Зарубежной — роковым образом разошлись.

ОТНОШЕНИЯ «НЕРУКОПОЖАТНЫЕ»

Там, за рубежом (по той же монреальской брошюре цитирую) про себя говорят так: «Русская Зарубежная Церковь духовно не отделяется от страждущей Матери. Она возносит за нее молитвы, хранит ее духовные и материальные богатства и в свое время соединится с нею, когда исчезнут причины, разъединившие их... Русская Зарубежная Церковь несет тяжкий крест изгнания. Ни в чем не изменив православию, храня

предания и обычаи Русской Церкви и ее материальное достояние, находящееся за границей, она по силе своей окормляет свою паству, удерживает ее в православии и воспитывает в ней новое поколение и распространяет православие в народах, среди которых находится...»

Что же мешает единению?

На протяжении десятилетий отношения между Церковью на территории СССР, то есть, проще говоря, между Московской патриархией и Зарубежной Церковью были, что называется «нерукопожатными». Как, скажем, между СП СССР и Союзом русских писателей в Париже и как между СП СССР и Иваном Буниным или между Министерством культуры СССР и Федором Шаляпиным. Причем осталось сказать, что неприязнь была едва ли не односторонней. Ну какие претензии могла предъявить Московская патриархия к зарубежникам? Разве только то, что они не хотят подчиниться Московской патриархии. Зарубежники же не могли понять, как это церковные иерархи, архиепископы, митрополиты вплоть до патриарха зависят от Совета по делам религии при СМ СССР и только что не стоят перед ними по стойке «смирно». Они не могли понять, почему Церковь ежегодно отчисляет огромную часть доходов, в том числе в Фонд мира, почему родители, захотевшие крестить ребенка, должны предъявлять паспорта и сообщать, где они работают. И вообще как это может быть, что Церковь отделена от государства и в то же время во всем, даже в мелочах, подчиняется государству? Пожалуй, отношения между Церквами были не просто «нерукопожатными», но нетерпимыми.

А между тем эта Церковь — одна: разделение идет не духовное, не обрядовое, не ритуальное. Ведь человек, крещенный в Москве, разве считается некрещеным с точки зрения Зарубежной Церкви, и наоборот? Это же самое касается и других церковных отпращиваний: исповеди, причастия, венчания, отпевания и поминания усопших... Да простой верующий, войдя в православный храм, где идет служба, и зная не будет, в каком храме он молится — в Зарубежном или Московской патриархии. Есть, конечно, небольшие отличия в некоторых словах, но и их трудно уловить.

ПОТЕПЛЕНИЕ?

И вот меняется время. Покойный писатель Виктор Полторацкий рассказывал мне, что находилась в Париже как-то небольшая делегация советских писателей (тогда еще мало ездили из Москвы за границу). В ресторане они узнали за соседним столом Бунина. И забоялись подойти, заговорить, подать руку. Ну как же, эмигрант! Теперь это звучит дико.

Со стороны Зарубежной Церкви повеяло некоторым теплом с тех пор, как во главе ее власти встал митрополит Виталий. И у нас тоже есть перемены. Не надо боль-

ше предъявлять паспорта при крещении ребенка. Многие храмы, пусть в замученном состоянии, возвращаются прихожанам, и прихожане, собирая рублик по рублику, приводят эти храмы в порядок, в них идет служба. Переданы Церкви Данилов монастырь в Москве, Оптиная пустынь под Козельском, другие монастыри. Мы столкнулись даже с неожиданным явлением. Патриархия (или та или другая епархия) уже не берет монастыри, хотя государство готово их передать. Так, например, замечательный монастырь (но не в замечательном, разумеется, состоянии) — Нилова пустынь на острове озера Селигер — отдавали Калчинской епархии, а епархия от него отказалась. Хлопотно, надо ведь ремонтировать, реставрировать, нужны деньги, а главное, усилили.

МОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Теперь я хочу высказать предложение, которое сначала может показаться утопическим, если не бредовым, но если вдуматься, то это очень своевременное предложение с далеко идущими благотворными последствиями для всех трех сторон. Три стороны — это государство, Московская патриархия и Русская Зарубежная Церковь (не знаю какая из трех сторон примет это предложение в наиболее острые штыки: впрочем, с митрополитом Виталием разговор у меня уже был, и он эту идею благословляет).

Идея состоит в том, чтобы один из монастырей на территории СССР передать Зарубежной Церкви. И чтобы они его привели в порядок. И чтобы обеспечить им автономию. Имеют же так называемые подворья в нашей стране другие Церкви, равно как и Московская патриархия имеет свои подворья и храмы в других странах.

Да, пусть приведут монастырь в порядок, пусть живут там и совершают богослужения, пусть издадут церковные книги и продают их, о всех других конкретных деталях можно договориться. Государство не рухнет, оно окажется даже в материальной выгоде. Московская патриархия не рухнет. Но это будет шаг к сближению двух Церквей, к тому сближению, которое сейчас происходит во всех других сферах жизни.

Выбрать монастырь не составит труда. Та же упомянутая мною Нилова пустынь на Селигере, Коренная пустынь под Курском (тем более, что главная святыня этого монастыря, как уже было сказано, сохраняется в резиденции митрополита Виталия), Николо-Пешношский монастырь вблизи Рогачева, Давидова пустынь около города Чехова (Лопасня), Высоцкий монастырь в Серпухове... Уж в чем у нас нет недостатка, так это в старинных полуразрушенных монастырях.

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

«Московские Новости»,
10-12-1989

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. И. СИКОРСКОГО

Св. Николаевский храм в городе Стратфорде, в американском штате Коннектикут недавно отметил свое 60-летие и — одновременно — столетие со дня рождения своего прихожанина, нашего выдающегося соотечественника, изобретателя вертолета, Игоря Ивановича Сикорского. Обе годовщины взаимосплетены, поскольку именно группа русских эмигрантов, служивших в авиационной компании Сикорского — включая самого авиаконструктора — основали в декабре 1929 года этот храм, в 1984 году воссоединившийся с Русской Зарубежной Церковью.

К своему 60-летию приход издал богато оформленную и иллюстрированную брошюру (к сожалению по-английски), открывающуюся приветствием семьи Колтыпиных-Валловских с ссылкой на известное пророчество св. Иоанна Кронштадтского о том, что если русский народ не покается, он лишится царя и тогда безбожные самозванцы правители зальют землю кровью и слезами.

Эти слова Кронштадтского чудотворца были полностью воспроизведе-

в ту замечательную работу, которая ведется Вашим изданием. Было бы очень интересно, чтоб Ваша газета отозвалась на «Доктора Живаго» и дело Бориса Пастернака».

После очередного пожертвования, 18-6-1959 редактор «Нашей Страны» писал Игорю Ивановичу следующее: «Приношу Вам самую сердечную благодарность за ту материальную поддержку, которую Вы нашли возможным мне оказать. Особенно меня тронуло то, что Вы следите за жизнью созданной Иваном Лукьяновичем газеты и не проходите мимо тех затруднений, с которыми мне приходится бороться в моем стремлении во что бы то ни стало сохранить существование газеты».

Лышу себя мыслью о том, что Вы, следя за содержанием газеты, правильно оцениваете мои старания сохранить ту линию газеты, которая является единственным оправданием смысла ее издания.

К большому моему сожалению, чрезмерная перегруженность работой резко ухудшила мою сердечную болезнь, но я надеюсь и в этот раз,

Великий изобретатель, народный монархист, И. И. Сикорский

дены местной газетой "The Stratford Bard" в номере от 16-11-1989, посвятившему большую статью Св. Николаевскому храму и духовному облику И. И. Сикорского. Столетие со дня рождения последнего было отмечено панихидой у его надгробного памятника на кладбище св. Иоанна в присутствии почетного караула русских разведчиков с развешенным русским императорским знаменем.

Отметим, что в прошлом году почта Соединенных Штатов выпустила марку с изображением этого русского политического эмигранта, который по словам его сына Николая «достигнув столь многого в технологии, все же всегда имел время для духовного».

В частности, Игорь Иванович был убежденным монархистом, последователем и другом Ивана Лукьяновича Солоневича, регулярно жертвовавшим в фонд издательства «Нашей Страны».

Он внимательно читал газету и живо отзывался на ее материалы. Так например, в хранящемся в архиве редакции письме В. К. Левашеву-Дубровскому от 5-го ноября 1958 года Сикорский писал: «Позволяю себе выслать небольшой взнос

как пять лет тому назад, справиться с этим недугом и продолжать завещанное мне Иваном Лукьяновичем дело в меру моих сил и разума».

Задолго до этого, в «Нашей Стране» от 18 февраля 1950 года И. Солоневич писал: «Имя Игоря Ивановича Сикорского русской эмиграции известно достаточно хорошо. Но едва ли русской эмиграции Игорь Иванович известен, как политический мыслитель. В мае 1947 года И. И. Сикорский выпустил книгу под названием "A nobler world or none", показывающую, что инженер и изобретатель, не политик и не дипломат — видит вещи гораздо яснее, чем все объединенные и Необъединенные Нации вместе взятые, со всеми их министрами и президентами, послами и прочими — тоже вместе взятыми».

А в номере 38-м «Нашей Страны» Игорь Иванович писал И. Л. Солоневичу: «Вы делаете прекрасное русское дело и Вашими книгами и Вашей газетой. В общем, я вполне согласен и с Вашими положениями и с Вашим подходом к большинству вопросов».

Б. ГАСАН

Языковые уродства

С АНГЛИЙСКИМ АКЦЕНТОМ

Новейшая эмиграция, как мы уже не раз отмечали, принесла с собою невыносимый английский акцент, который настойчиво сует во все личные имена и местные названия, взятые из других языков. Не свободен от сего неприятного недостатка и издающийся в Израиле по-русски «Круг».

В напечатанном там с продолжениями с № 625 по № 631 интересном очерке Дж. Ханта «Зона бемолвия», в котором описывается курьезный район в северной Мексике, куда падает необычайно много метеоритов, и где наблюдаются не поддающиеся пока объяснению физические аномалии и странные отклонения в области флоры и фауны, мы наталкиваемся на поистине чудовищные искажения всех упоминаемых в нем мексиканских имен, фамилий и топонимов. Вот несколько образцов: Мигуэль Эйнджел Руэлас, вместо Мигель Анхель Руэлас; местечко Себаллос, вместо Себалльос; Хиллермо, вместо Гильермо; название газеты «Херальдо», вместо «Эральдо». Что до мексиканского ученого, которого тут называют Гарри де Ла Пена, остается гадать, надо ли читать Пена или Пенья?

В другом месте в журнале панамский диктатор генерал Нурига назван почему-то Нурига, а кубинский генерал Очоа превращен в Охоа.

Не лучше обстоит дело и с французским языком. В № 590 подруга Ива Монтана, Кароль, именуется отчего-то Кэррол. Будь она американкой, — так нет же, она родом из города Сен Поль де Ванс во Франции! Еще гораздо хуже, когда, в № 608, героиня фильма «Камилла Клодель» становится вдруг... Камиллой Клаудель!

В другом еще очерке, израильская девушка по имени Ноа получает удивительный родительный падеж: Ной. Тут надо бы выбирать: или она Ноя, и тогда ее имя склоняется как Ноу, Ное; или впрямь Ноа, и тогда остается несклоняемой. Как, скажем, не склоняются имена городов Гоа или Шоа: «От Шоа до Гоа».

Остановимся на еще одном забавном промахе, в переводном детективном рассказе Дж. Паркер «Слишком хороша для полиции!» (очень недурном, между прочим), в № 499, появляется на сцену католический пастор. Это — вещь абсолютно невозможная! В нашем языке католический священник есть пater (вспомним, например, сборники рассказов Честертона «Тайна патера Брауна», «Неверие патера Брауна»), а пастор, это по-русски означает протестантского священника, все равно лютеранского, англиканского и т. п.

Аркадий Рахманов

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

На прошлой неделе не только советские органы печати, но даже и члены правительства стали впервые произносить вслух страшные слова «гражданская война».

Действительно, происшествия в Азербайджане и в Армении уже явно напоминают предварительные этапы гражданской войны. Ведь гражданская война начинается без объявления войны, так что весьма трудно определить ее формальное начало. Но точно так же трудно определить ее конец, и в первую очередь конец реальный, а не только формальный. Реальный конец любой гражданской войны не зависит от формальных провозглашений победы одной из сторон, а только лишь от достижения нового общественного согласия между людьми, то есть от достижения нового соборного сожительства.

Полное общественное согласие между всеми гражданами нашей страны фактически никогда не было достигнуто после катастрофы семнадцатого года. Свидетельством этому служат все этапы советской власти, начиная от военного коммунизма, раскулачивания, расказачивания, насильной коллективизации, кровавых чисток и репрессий, и кончая сегодняшними беспорядками.

Таким образом, можно без излишней натяжки утверждать, что фактически гражданская война в нашей стране никогда и не кончалась, а только лишь принимала самые разнообразные формы. На самом деле так оно и было, да и не могло быть никак иначе. Ведь даже исходя из исторического материализма, окончательное утверждение всякого нового исторического этапа требует преодоления всех предыдущих противоречий в новом синтезе. Коммунизм же никогда и не стремился к преодолению противоречий во имя нового синтеза, по двум причинам: он сам никогда не хотел быть частью никакого синтеза, так как всегда стремился к подавлению всего что не являлось коммунизмом и, кроме того, он по своей натуре и концепции никак и не мог стать частью никакого синтеза. Принципиальное зло никак не может смешиваться с никакими видами добра, разве что может иногда пытаться добром прикрываться, для обмана.

Если исходить из того, что в нашей стране гражданская война никогда с семнадцатого года и не прекращалась, а только лишь проявлялась по-разному, то можно выдвинуть предположение, что и сегодняшние в ней события являются тоже своего рода отдельными эпизодами этой войны. Как известно, во всякой войне воюющие стороны прибегают ко всяким уловкам, а тем паче в войне гражданской. В чем заключается сегодняшняя уловка советской власти? В том же самом, что и всегда: в разделении врагов и в срабатывании их между собой.

Это и происходит сегодня во всех регионах нашей страны, где сильно обостряются этнические конфликты.

Однако, может быть мы находимся перед лицом еще одной уловки: снова, еще один раз мобилизовать русский народ для борьбы с угрозой извне, для того чтобы оттянуть дальше его сокрушительный удар по самому злу, которое своим присутствием не позволяет найти никакого выхода из создавшегося катастрофического положения и не допускает творческого создания никакого нового синтеза в сегодняшней исторической обстановке.

Б. Г.

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основанная 18-9-1948, И. Л. Солоневичем. Издатель: М. В. Киреев. Редактирует Ред. Колл. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578, 1430 Buenos Aires, Argentina. Тел. 544-0530. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссылка на источник обязательна.

Цены за 1 экз: Австралия — 0.80 ам. долл.; Германия — 1.80 н.м.; Франция — 5 фр.; Италия — 1100 лир; США — 0.80 ам. долл.; Аргентина — 350. — австр. В остальных странах — 0.80 ам. долл. Цена объявлений: за 1 см. в 1 кол. — стоимость 4 экз. газеты. Чеки: Miguel Kireeff, for deposit only. Бан пер. только на: Citibank, N. A., 693 E. Jericho Turnpike, Huntington Sta., NY 11746, USA. Account N° 78516453

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monárquico ruso. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949.917. Editor: M. Kireeff, Monroe 3578, 1430 Buenos Aires, Argentina.

Correo Argentino	Franchiseo pagado. Conces. N° 4233
Sucursal 30 (B)	Interes General. Conces. N° 3980